

НИМИТЦ (NIEMIETZ) против ГЕРМАНИИ

Судебное решение от 16 декабря 1992 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

М. Нимитц, гражданин ФРГ, по профессии адвокат, житель г. Фрайбурга на Бризгау. В течение нескольких лет был председателем местной политической партии “Bunte liste”, в составе которой действовала антиклерикальная рабочая группа.

9 декабря 1985 г. на имя судьи районного суда во Фрайзинге из почтового отделения Фрайбурга по факсу было отправлено от имени указанной антиклерикальной рабочей группы письмо, касающееся уголовного дела, находящегося на рассмотрении в этом суде. Под ним стояла подпись “Клаус Вегнер”, как оказалось, вымышленная. Письмо содержало угрозы в адрес судьи, обвиняя его в проклерикальной позиции. Против Клауса Вегнера было возбуждено уголовное дело. Поскольку почта для “Bunte liste” направлялась на абонентский ящик в почтовом отделении, а затем до 1985 г. пересылалась в офис заявителя, 8 августа 1986 г. был выдан ордер на обыск *inter alia* офиса заявителя с целью найти и изъять любые документы, раскрывающие личность Клауса Вегнера. Обыск был произведен 13 ноября 1986 г., но ничего не дал. Поскольку Клаус Вегнер так и не был найден, уголовное дело против него было впоследствии прекращено.

В свою очередь господин Нимитц обратился с жалобой на основании статьи 304 Уголовно-процессуального кодекса на незаконность произведенного у него обыска.

27 марта 1987 г. 1-й Земельный суд Мюнхена объявил жалобу заявителя неприемлемой на том основании, что обыск уже был произведен и отсутствует правовой интерес в признании ордера на обыск незаконным. Федеральный Конституционный Суд отказался принять жалобу заявителя о незаконности ордера на обыск и решения Земельного суда. Поданная им жалоба была 18 августа 1987 г. отклонена, поскольку не имела достаточных шансов на успех.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе, поданной в Комиссию 15 февраля 1988 г., заявитель утверждал, что было нарушено право на уважение его жилища и корреспонденции (статья 8 Конвенции), а также статья 1 Протокола № 1 и статья 13, поскольку он оказался лишенным внутренних средств правовой защиты. Жалоба была признана частично приемлемой 5 апреля 1990 года.

В своем докладе от 29 мая 1991 г. Комиссия установила обстоятельства дела и единогласно пришла к выводу, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции и что нет отдельного спорного вопроса по статье 1 Протокола № 1.

Комиссия передала дело в Суд 17 июля 1991 года.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предполагаемом нарушении статьи 8 Конвенции

26. Господин Нимитц утверждал, что обыск его адвокатской конторы привел к нарушению статьи 8 Конвенции, которая гласит:

“1. Каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенности его жилища и тайны корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство государственных органов в осуществление этого права за исключением вмешательства, предусмотренного законом и необходимого в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц”.

Комиссия согласилась с этим, поскольку произошло неоправданное вмешательство в личную жизнь заявителя и его жилище.

A. Было ли “вмешательство”?

27. Оспаривая заключение Комиссии, Правительство утверждало, что статья 8 не предоставляет защиты от обыска в адвокатской конторе; Конвенция проводит четкую грань между личной жизнью и жилищем, с одной стороны, и профессиональной и деловой жизнью и служебными помещениями, с другой стороны.

28. Придя к заключению, что имело место вмешательство в “личную жизнь” и “жилище” г-на Нимитца, Комиссия, по мнению Правительства, придала особое значение доверительным отношениям между адвокатом и клиентом. Суд разделяет сомнения Правительства в том, может ли этот фактор служить критерием для определения объема гарантии, предоставляемой статьей 8. Профессиональная и деловая активность могут всегда включать в большей или меньшей степени элемент конфиденциальности; если такой критерий будет признан, это приведет к многим трудностям при проведении демаркационной линии.

29. Суд не считает возможным или необходимым дать исчерпывающее определение понятию “личная жизнь”. Было бы слишком строго ограничить ее интимным кругом, где каждый может жить своей собственной личной жизнью, как он предпочитает, и тем самым полностью исключить внешний мир из этого круга. Уважение личной жизни должно также включать до некоторой степени право устанавливать и развивать отношения с другими людьми.

Более того, кажется, нет принципиальных оснований, чтобы такое понимание “личной жизни” исключало деятельность профессионального и де-

лового характера; именно в своей работе большинство людей имеют значительное, если не наибольшее, количество шансов развивать отношения с внешним миром. Эта точка зрения подтверждается тем фактом, как уже было справедливо отмечено Комиссией, что не всегда возможно четко разграничить, какая деятельность человека составляет часть его профессиональной или деловой жизни. Таким образом, особенно в случае, когда человек имеет гуманитарную профессию, его работа в таком контексте может стать неотъемлемой частью его жизни до такой степени, что становится невозможным определить, в качестве кого он действует в данный момент времени.

Лишение человека защиты по статье 8 на том основании, что мера, против которой подана жалоба, относится к профессиональной деятельности, как предлагает Правительство, в данном случае рискует привести к неравенству, поскольку такая защита могла бы остаться доступной лишь для того, чья профессиональная и непрофессиональная деятельность настолько тесно переплетены, что нет никакой возможности их разграничить. Ранее Суд не проводил разграничения такого рода: он полагал, что имело место вмешательство в личную жизнь, когда, например, прослушивались телефонные разговоры, и деловые, и личные (см. решение по делу *Ювиг против Франции* от 24 апреля 1990 г. Серия А, т. 176-В с. 41 п. 8 и с. 52 п. 25); и когда обыск был связан исключительно с деловой активностью, Суд не полагался только на это обстоятельство как обоснование для исключения применимости статьи 8 (см. решение по делу *Чанпел против Соединенного Королевства* от 30 марта 1989 г. Серия А, т. 152-А с. 12—13, п. 26 и с. 21—22, п. 51).

30. Что касается слова “жилище” (“home” в английском тексте), Суд отмечает, что в некоторых государствах-участниках, а именно в Германии (см. п. 18 выше), оно распространяется на служебные помещения. Более того, такое толкование полностью созвучно французскому варианту текста, т. к. слово “domicile” имеет даже более широкое значение, чем “home”, и может распространяться на деловой офис типа адвокатского.

Не всегда можно провести четкое разграничение также и потому, что вести деятельность, которую можно отнести к профессиональной или деловой, можно с таким же успехом и со своего места жительства, и наоборот, можно заниматься делами, которые не относятся к профессиональной сфере, в офисе или коммерческих служебных помещениях. Узкое толкование слов “home” и “domicile” может привести к такой же опасности неравенства, как и узкое понимание “личной жизни” (см. п. 29 выше).

31. Если говорить в общем, толкование слов “личная жизнь” и “жилище”, как охватывающих некоторую профессиональную и деловую активность или служебные помещения, было бы более созвучно с предметом и целью статьи 8, а именно с защитой отдельных лиц от своевольного вмешательства властей (см., например, решение по делу *Маркс против Бельгии* от 13 июня 1979 г. Серия А, т. 31, с. 15, п. 31). Такое толкование не будет особенно стеснять Договаривающиеся Государства, т. к. они сохраняют свое право на “вмешательство” в той степени, которую позволяет статья 8 п. 2; это право могло бы стать более широким, когда это касается профессиональной и деловой активности или служебных помещений.

32. К вышеприведенным общим рассуждениям, оспаривающим мнение, что статья 8 неприменима, необходимо добавить еще один фактор, который относится к конкретным обстоятельствам дела. Ордер, выданный участковым судом Мюнхена, предписывал провести обыск, чтобы найти и изъять

“документы”, раскрывающие личность Клауса Вегнера (см. п. 10 выше). Те, кто проводил обыск, просмотрели четыре шкафа-картотеки с данными, имеющими отношение к клиентам, а также шесть личных досье (см. п. 11 выше); их действия должны были волей-неволей охватывать как “корреспонденцию”, так и другие материалы, которые можно считать подпадающими под это понятие в смысле статьи 8. В этой связи достаточно отметить, что в этой статье, в отличие от слова “жизнь”, отсутствует прилагательное при слове “корреспонденция”. В ряде дел (см., например, решения по делу *Шонненбергер и Дурмаз против Швейцарии* от 20 июня 1988 г. Серия А, т. 137, и по делу *Кэмпбелл против Соединенного Королевства* от 25 марта 1992 г. Серия А, т. 233) Суд даже не рассматривал возможность неприменения статьи 8 потому, что корреспонденция имела профессиональный характер.

34. Все вышесказанное дает основание Суду признать, что обыск в офисе заявителя представляет собой нарушение его прав по статье 8.

В. Было ли вмешательство “предусмотрено законом”?

34. Заявитель утверждал, что данное вмешательство не было “предусмотрено законом”, т. к. оно было основано на подозрениях, а не на фактах и, таким образом, не отвечало требованиям статьи 103 Уголовно-процессуального кодекса (см. п. 19 выше); кроме того, оно стремилось обойти правовые нормы, защищающие профессиональную тайну.

35. Суд согласен с мнением Комиссии и Правительства, что эта аргументация должна быть отвергнута. Он отмечает, что и 1-й Земельный суд Мюнхена и Федеральный Конституционный Суд нашли обыск законным в смысле статьи 103 вышеназванного Кодекса (см. п. 15—16 и 19 выше), и Суд не видит основания высказывать отличное от этих судов мнение.

С. Преследовало ли данное вмешательство правомерные цели?

36. Подобно Комиссии Суд, признает, что вмешательство преследовало правомерные цели в смысле статьи 8 п. 2, а именно предотвращение преступления и защита прав других лиц, в частности, чести судьи, которому было адресовано письмо.

Д. Было ли вмешательство “необходимо в демократическом обществе”?

37. По этому вопросу Суд склоняется к мнению, что по основаниям, приведенным участковым судом Мюнхена, это вмешательство можно считать таковым (см. п. 10 выше). Суд не считает необходимым продолжать рассмотрение этого вопроса, т. к. он уже пришел к выводу, с которым согласились заявитель и Комиссия, что оспариваемая мера была не соразмерна ее целям.

Совершенно справедливо, что правонарушение, в связи с которым был произведен обыск, представляет собой не только оскорбление, но также и попытку оказать давление на судью. Однако ордер содержал слишком общие предписания найти и изъять, без каких-либо ограничений, “документы”, раскрывающие личность автора оскорбительного письма; этот факт имеет особое значение, поскольку обыск адвокатской конторы не сопровождается специальными процедурными гарантиями, такими как присутствие незави-

симых наблюдателей. Более того, принимая во внимание природу рассмотренных материалов, очевидно, что обыск посягал на профессиональную тайну в той степени, которая не соответствует данным обстоятельствам; в связи с этим необходимо напомнить, что посягательство на профессиональную тайну адвоката может иметь последствия при отправлении правосудия и тем самым нарушать права, гарантируемые статьей 6 Конвенции. В добавление к этому, сопутствующая огласка могла оказать негативное воздействие на профессиональную репутацию заявителя в глазах как его клиентов, так и общественности в целом.

Е. Вывод

38. Таким образом, Суд считает, что имело место нарушение статьи 8.

II. О предполагаемом нарушении статьи 1 Протокола № 1

39. Г-н Нимитц также утверждал, что, нанося ущерб его репутации как адвоката, обыск представлял собой нарушение статьи 1 Протокола № 1, которая предусматривает:

“Каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов”.

40. Суд уже учел в свете статьи 8 потенциальное воздействие обыска на профессиональную репутацию заявителя (см. п. 37 выше), Суд соглашается с Комиссией, что нет поэтому необходимости рассматривать вопрос в свете статьи 1 Протокола № 1.

III. Применение статьи 50 Конвенции

41. Статья 50 Конвенции гласит:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

42. В письме, полученном 16 декабря 1991 г. (см. п. 4 выше), заявитель просил, чтобы Суд, принимая во внимание, в частности, ущерб, причиненный его адвокатской репутации, предоставил ему компенсацию по статье 50 в том виде и в том объеме, который Суд определит по своему усмотрению.

43. Суд не может согласиться с этой просьбой.

Заявитель не доказал, что нарушение статьи 8 причинило ему материальный ущерб. Если в определенной мере оно могло вызвать моральный

вред, то, Суд считает, так же как и представитель Комиссии, что констатация нарушения сама по себе является достаточным справедливым возмещением. Хотя г-н Нимитц утверждал на слушаниях, что его просьба включает судебные расходы и издержки в Германии и Страсбурге, он не представил никаких конкретных обоснований этих расходов.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции;
2. *Постановил*, что не возникает отдельной спорной проблемы по статье 1 Протокола № 1;
3. *Отклонил* требование заявителя о справедливом возмещении.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 16 декабря 1992 г.

Марк-Андре Эйссен
Грефье

Рольф Риссдал
Председатель